

перативную. Основной производительной деятельностью считается труд, а не капитал. Вместе с тем согласно исламу имущество любого человека принадлежит Аллаху, неприкосновенность частной собственности возведена до уровня неприкосновенности и ценности жизни. Лишение имущества кого-либо недопустимо, за исключением крайних случаев при условии выплаты полноразмерной, справедливой компенсации [5, с. 63–66].

Таким образом, специфика исламской экономики заключается в следующем:

— собственник какого-либо блага является поверенным истинного владельца этого блага — Аллаха;

— исламская финансовая система имеет ярко выраженную социальную направленность;

— исламская экономика основывается на моральных принципах, изложенных в Коране и Сунне;

— ресурс не должен бездействовать и превращаться в накопительство денежных средств;

— запрещение проведения финансовых операций, которые вводят в заблуждение контрагентов;

— запрещается получение прибыли, не связанной с использованием труда и производства;

— деньги — это инструмент, а не предмет купли-продажи;

— запрещение ростовщического процента;

— признание как частной, так и общественной собственности на средства производства;

— основой производительной деятельности является труд, а не капитал;

— частная собственность неприкосновенна, так как опосредована собственностью Аллаха.

Библиография

1. Авдиев И.М. Актуальные проблемы ислама в экономике. М., 1999.
2. Закирова С. Экономика. Ташкент, 2006.
3. Ислам: проблемы идеологии, права, политики и экономики. М., 1995.
4. Исламская экономическая модель. Ташкент, 2009.
5. Караев И. Модель ислама. Ташкент, 2008.

И.А. Царегородцева

«БРАТЬЯ-МУСУЛЬМАНЕ» И АЛЬ-АЗХАР О БУДУЩЕМ ЕГИПТА: МЕЖДУ ЗАПАДНОЙ ДЕМОКРАТИЕЙ И ИСЛАМСКОЙ ТЕОКРАТИЕЙ?

События «арабской весны», которые продолжают разворачиваться в странах Ближнего Востока, знаменуют собой значимый этап в истории этого региона, а именно — переход от общества модернистского типа к постмодернистскому.

Этот процесс связан в том числе со свержением власти старого, преимущественно авторитарного типа, и поиском новой модели власти. Поскольку наиболее известные альтернативы автократии — демократия и теократия — в сознании современных людей прочно ассоциируются с государствами, которые стремятся распространить свое влияние в регионе (США и Иран соответственно), то совершенно естественно, что такие системы оказываются неприемлемыми для революционно настроенных арабских масс. Это становится причиной постановки закономерного вопроса — могут ли арабы, расшатывающие власть еще вчера казавшихся стабильными и нерушимыми режимов, предложить иную альтернативу, которую можно было бы вписать в складывающуюся новую постмодернистскую реальность как ее знамя и ее символ? Иными словами, стоит ли игра свеч, или же свержение одних режимов приведет всего лишь к ограниченной по своим масштабам ротации политических элит и, таким образом, абсолютно дискредитирует достижения арабских революций?

На наш взгляд, цивилизационные поиски соответствующей модели власти на Ближнем Востоке неизбежно будут упираться в вопрос о роли ислама в новых государственных системах, и далеко не последнюю роль в этих дискуссиях будут играть исламские движения и институты — уже известные и только выходящие на политическую арену. В этом смысле особый интерес представляет опыт Египта как одной из двух стран (наряду с Тунисом), где волнения арабской улицы обернулись реальной сменой власти и где недавно было легализовано старейшее и одно из самых популярных исламистских движений «Братья-мусульмане». Теперь исламисты заявляют о том, что намерены завоевать до 50 % голосов на осенних парламентских выборах [1], и их политические амбиции приковывают пристальное внимание к их идеям и взглядам со стороны внешних наблюдателей и внутренних игроков. Одновременно старейшее богословское образовательное учреждение суннитского толка Аль-Азхар, десятилетиями находившееся под строгим контролем государства, также выходит на авансцену общественно-политической жизни Египта и озвучивает собственную программу будущего обустройства страны [2].

Помимо этого в стране существуют также другие исламистские движения и институты, в том числе более радикального толка, чем «Братья-мусульмане», суфийские тарикаты, недавно была зарегистрирована даже первая в египетской истории политическая партия суфиев [3], а также многочисленные молодежные организации («Движение 6 апреля» и др.). Все они являются действительными и потенциальными участниками внутриегипетского дискурса относительно будущего государства, однако еще ни один из них не выступил открыто с программной платформой подобно тем, которые были изданы «Братьями-мусульманами» и Аль-Азхаром. По этой причине поиск и анализ программных установок прочих исламистских движений и партий пока что выходит за рамки настоящей статьи.

Итак, что же предлагают старейшее исламистское движение и крупнейший богословский центр Египта? Прежде всего бросается в глаза то, что программ-

ные документы «Братьев-мусульман» и Аль-Азхара являются удивительно схожими по своему содержанию. Для «Братьев-мусульман» таким документом является программа партии «Свобода и справедливость», которая была недавно создана на базе движения и официально зарегистрирована в качестве политической партии в мае 2011 г. [4]. Спустя некоторое время появляется и документ Аль-Азхара относительно будущего Египта [5] — первая официальная программа этого института, поскольку ни разу за предыдущие годы Аль-Азхар не выступал с подобными, политическими по своему характеру, инициативами. Их основные общие принципы можно свести к следующему:

1. Египет должен быть современной демократической конституционной парламентской республикой.

2. Принцип парламентаризма реализуется посредством четкого разделения властей, а также подотчетности президента законодательной ветви власти и правительству. Президент правит, но не управляет, основные полномочия закреплены за премьер-министром. Президент не может находиться у власти несколько сроков подряд.

3. Демократия — это шура (аш-шура), которая реализуется в наличии законодательного органа, где народ принимает решения посредством своих представителей. Интересно, что для «Братьев-мусульман» эти два понятия — демократия и шура — являются эквивалентами друг друга.

4. Построение исламского государства (ад-даула аль-исламиййа) — цель будущих преобразований. Понятие исламского государства «Братья-мусульмане» трактуют следующим образом: это государство, построенное на основе «системы исламского шариата, который представляет собой духовную и религиозную доктрину ('акида) подавляющего большинства египтян» [4]. Одновременно «исламское государство является по своей сути гражданским государством (даула мудуниййа), оно не может существовать при военном режиме и управляться армией <...> не может оно быть также и религиозным государством (теократией), управляемым группой политиков-богословов (риджал ад-дин). Ведь в исламе нет политиков-богословов, но есть ученые-богословы ('улама` ад-дин), основная задача которых — править во имя Божественной истины» [4]. Ту же идею высказывают и богословы Аль-Азхара, говоря о том, что «ни в исламском законе, ни в его цивилизационном аспекте, ни в истории нашей религии никогда не существовало того, что в иных культурах называется теократическим государством» [5].

5. Принципы шариата — основной источник законодательства. Шариат скрепляет национальное единство, поскольку гарантирует свободу вероисповедания, свободу отправления религиозных культов, а также право немусульманских меньшинств пользоваться своим общинным правом в решении личных вопросов, равенство людей в их правах и обязанностях. Государство, в основе которого лежит исламский шариат, имеет этический характер, его политика связана с такими принципами, как нравственность, правда, преданность, безопасность, справедливость, совесть. Такое государство является гарантией искоренения коррупции и узурпации власти отдельными группами людей.

Помимо этого «Братья-мусульмане» также имеют свое видение будущей роли Аль-Азхара в общественно-политической жизни Египта. Они призывают реформировать Аль-Азхар с тем, чтобы превратить его в лидирующий институт высшего богословского образования и мысли в мусульманском мире. Для этого необходимо упразднить дублирующие его институты (или осуществить их слияние с аналогичными структурами Аль-Азхара), отделить от политических институтов и власти, вернуть экспропрированную еще при Насере собственность (аль-аукаф), а также образовать выборный совет высших улемов, который будет осуществлять управление делами Аль-Азхара (ранее основное руководство института назначалось лично президентом страны).

Руководство Аль-Азхара не предложило столь детализированной программы собственного реформирования, однако четко обозначило те позиции, на которые претендует в реалиях нового времени: Аль-Азхар должен стать институтом, который бы взял на себя лидерство в «кристаллизации правильной срединной исламской мысли» и который бы определял такие значимые вопросы, как отношения между государством (даула) и религией (дин), основные принципы правильной (сахих) правовой политики, а также содержание исламской системы (аль-марджа'ийа аль-исламиyyа). Вообще, в документе не раз встречается понятие «правильный» («правильная политика», «правильные трактовки ислама», «правильная трактовка религии»), что говорит о том, что Аль-Азхар претендует на приоритетное (если не монопольное) право в толковании своей, «ортодоксальной», версии ислама. Иными словами, речь идет о его превращении в конечную духовную инстанцию, разъясняющую принципы веры для всех суннитов (ахл ас-сунна ва аль-джама'а), не делая акцента на их различиях, в том числе и за рубежом. В документе говорится: «Благородный Аль-Азхар (аль-азхар аш-шариф) должен стать компетентным органом, к которому обращаются в вопросах, связанных с исламом, исламскими науками, мусульманским наследием, правовыми трактовками ислама и современной мысли» [5].

На первый взгляд предложенная исламистами и Аль-Азхаром модель государства представляет собой нечто среднее между демократией западного либерального типа и теократией или религиозной автократией иранского или саудовского образцов. Основное отличие от западной демократии — особая политическая этика, берущая свое начало из ислама, а также всеохватывающий характер мусульманского шариата. Одновременно в эту систему оказываются встроенными все основные составляющие демократической модели, которые, однако, наполняются новым содержанием. Так, сама демократия есть реализация исламского принципа шуры (совещательности), и это не навязываемая извне система, но право, гарантированное мусульманам Богом, а права человека и религиозных меньшинств гарантированы самим исламом и подтверждаются конституцией. «Братья-мусульмане» и ранее использовали в своем дискурсе такие понятия, как «права и свободы в соответствии с принципами шариата», «равенство в соответствии с принципами шариата». Если взять за традиционную основу западные либерально-демократические трактовки этих понятий, то относительно

них предлагаемые «Братьями-мусульманами» версии, например прав женщин, являются ничем иным, как очевидным противоречием, ведь известно, что права женщин в исламе отличаются от того, что гарантируется западными системами права. Однако исламисты вновь и вновь повторяют, как мантру, свою приверженность принципам равенства и защиты прав человека для того, чтобы убедить всех в том, что они имеют право на то, чтобы наполнить эти понятия новым содержанием.

Что касается различий между предлагаемой «Братьями-мусульманами» и Аль-Азхаром моделями государственного устройства и теократией, то они представляются еще не до конца проработанными. Прежде всего встает вопрос о реальном месте Аль-Азхара в этой системе. Если это абсолютно независимый от ветвей власти институт, то каким образом он должен поддерживать свое существование? Дело в том, что и «Братья-мусульмане», судя по всему, сомневаются в целесообразности полного его отделения от власти и предлагают увеличить служащим Аль-Азхара зарплаты, т.е. оставить их в статусе госслужащих, как это было в предыдущие десятилетия. Не до конца понятно также, как же все-таки институционально должно происходить общение Аль-Азхара и государственных институтов, какими должны быть суды — исламскими или светскими, и кто будет обладать монополией на вынесение религиозно-правовых решений в стране.

В одном из предыдущих документов «Братьев-мусульман», а именно — в прошлой программе их политической партии 2007 г. [6], они выдвинули идею создания совета высших улемов, куда бы на выборных основах вошли представители мусульманско-богословской страты и видные интеллектуальные деятели страны. Этот орган, по мнению исламистов, должен был быть независимым от всех ветвей власти, но выполнять важные законосовещательные функции. Именно к нему должны были обращаться представители светской власти перед тем, как принять значимые для страны решения. Структурно и фактически этот орган имел определенные аналоги с Советом высших улемов в Саудовской Аравии, без которого не принимается ни одно важное государственное решение в королевстве. Проводились также аналогии и с институтом аятолл в Иране. Туманность их последних формулировок относительно роли Аль-Азхара и его совета высших улемов, тем не менее, заставляет задуматься, так ли велики различия между исламским государством и теократией в представлениях исламистов?

Идеологическая близость позиций «Братьев-мусульман» и Аль-Азхара объясняется совпадением их стратегических целей. Исламисты хотят закрепиться во власти, и для этого им необходима в том числе поддержка со стороны ведущих институциональных богословов страны. Аль-Азхар же стремится вернуть себе утраченный за последние десятилетия авторитет в мусульманском мире и внутри Египта, избавиться от институциональных конкурентов в виде Дар аль-ифта (Дом фетв) и прочих государственных учреждений, ответственных за религиозную политику, и в этом смысле их союз с исламистами принужден демонстри-

ровать открытость института к связям с активными политическими игроками. Аль-Азхар одновременно инициировал диалог практически со всеми исламистскими движениями и партиями [7], чтобы расширить для себя поле союзников, а заодно продемонстрировать универсальность своих подходов к исламу.

Вместе с тем создается впечатление, что «Братья-мусульмане» стремятся не столько к последовательной реализации пунктов своей программы, сколько к тому, чтобы как можно скорее и прочнее вписаться в политический ландшафт Египта. Приоритет стратегических целей исламистов перед идеологическими установками становится еще более очевидным после анализа таких ключевых моментов, как путь построения в АРЕ исламского государства (ад-даула аль-исламийя). На начальном этапе своего существования (конец 1920-х — 1940-е годы) основатель движения и главный его идеолог Хасан аль-Банна писал о том, что создание такого государства возможно только после того, как будет сформировано общество истинно верующих и религиозно образованных мусульман. Поэтому он отвергал какие-либо методы политической борьбы и видел «Братьев-мусульман» прежде всего как организацию социально-пропагандистской направленности. Только в 1950–1960-х годах, когда движение оказывается под формальным запретом, а его новым идеологом и духовным вдохновителем становится Сейид Кутб, террор как метод политической борьбы становится одним из краеугольных принципов расшатывания националистического режима. В 1970-х гг. деятельность исламистов была реанимирована, однако организационный разгром, которому подверглись «Братья» на предыдущем этапе, привел к кризису их идеологической работы — все последующие годы вплоть до настоящего момента исламисты продолжали говорить о необходимости создания исламского государства, но не объясняли, как именно они намереваются этого добиться. В настоящей программе партии «Свобода и справедливость» сказано, что «внешняя реформа (ислах аль-батин) имеет такую же значимость, как и внутренняя (ислах аз-захир)» [6], имея в виду как раз то, о чем говорил и писал Х. аль-Банна. Однако из программы «Братьев» очевидно, что на данном этапе они уже не намерены ждать, пока в египетском обществе будут созданы соответствующие условия для построения исламского государства, и призывают инициировать конституционную и политическую реформы как можно скорее.

Пока еще достаточно рано говорить о том, насколько популярными станут идеи, предлагаемые исламистами и Аль-Азхаром, и в какой степени они могут быть реализованы. Многое будет зависеть от исхода будущих парламентских выборов. Если «Братья-мусульмане» сумеют заручиться серьезным ресурсом поддержки не только со стороны основных институциональных игроков, но и среди революционной молодежи, и реализуют собственные планы на то, чтобы занять половину мест в Народном собрании, их стратегический союз с Аль-Азхаром может стать началом воплощения по сути их общей программы развития.

Ссылки на источники:

1. Saleh Y. Egypt's Brotherhood contests half parliament seats // Reuters. [Электронный ресурс на англ. яз.]. Дата опубликования: 30 апреля 2011 г. URL: <http://uk.reuters.com/article/2011/04/30/uk-egypt-elections-brotherhood-idUKTRE73T0ZZ20110430>.
2. Saleh H. Top Sunni body calls for democratic Egypt // Financial times [Электронный ресурс на англ. яз.]. Дата опубликования: 23 июня 2011 г. URL: <http://www.ft.com/cms/s/0/56ac8782-9dbe-11e0-b30c-00144feabdc0.html#axzz1URyfeRo>.
3. Mujahid S. Egyptian Sufis contribute in establishing al-Tahrir party // Islam Online. [Электронный ресурс на англ. яз.]. Дата опубликования: 12 апреля 2011 г. URL: http://www.islamonline.net/en/IOLArticle_C/1278407732388/1278406720653/IOLArticle_C.
4. Барнамадж хизб аль-хуррийа ва аль-'адала // Аль-масри аль-йаум. [Электронный ресурс на араб. яз.]. URL: <http://www.almasryalyoum.com/taxonomy/term/107392>.
5. Насс васикат аль-азхар хаула мустакбал миср // 25 йана'ир. [Электронный ресурс на араб. яз.]. Дата опубликования: 21 июня 2011 г. URL: <http://www.25yanayer.net/?p=11030>.
6. Барнамадж хизб аль-ихван аль-муслимин // Вики миср. [Электронный ресурс на араб. яз.]. URL: http://ar.wikisource.org/wiki/برنامج_حزب_الاخوان_المسلمين.
7. С. Муджахид. Ма'а ка'имат аз-зувар аль-джудад... Аль-азхар йабдау 'ахдан джадидан // Onislam. [Электронный ресурс на араб. яз.]. Дата опубликования: 2 августа 2011 г. URL: <http://www.onislam.net/arabic/newsanalysis/special-folders-pages/new-egypt/egypt-after-the-january-25/131727---q-q---.html>.

Т.Ж. Ходжаев

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИСЛАМСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ УЗБЕКИСТАНА

Узбекистан имеет древнее исповедание ислама, общепризнанные в мусульманском мире традиции учености и память о своей роли в продвижении веры в Великую степь, Кашгарию, Индостан. При этом конституционно-правовое и политическое кредо современного развития Узбекистана — светское государство.

Приоритетная задача возрождения духовности исходя из истоков восточной философии, исламской культуры потребовала определиться по самому принципиальному вопросу: светский путь развития страны или религиозное по своим конституционным и правовым основам государство.

Сущность светского государства закреплена в ряде статей Конституции Узбекистана: «Никакая идеология не может быть установлена в качестве государственной»; «Все граждане Республики Узбекистан имеют одинаковые права и свободы, равны перед законом без различия <...> религии, <...> убеждений»; «Свобода совести гарантируется для всех. Каждый имеет право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Недопустимо принудительное насаждение религиозных взглядов»; «Запрещается создание политических партий по национальному и религиозному признакам»; «Рели-